

Ольга

Абешева

ЗЕМЛЯ МОЯ, МОЙ ДОМ, МОЙ САД...

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАЗАХСТАНА

Определение «картина мира» (world-view) было сформулировано американским исследователем Робертом Редфильдом. Согласно Редфильду, «картина мира» – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. «Картина мира» отличается от таких категорий, как «этнос культуры», «способ мышления», «национальный характер» [1.С.60]. Она представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия. Человек для своего ориентирования в мире нуждается в особых символических опосредующих структурах – языке, мифологии, религии, искусстве, науке, выступающих в роли регуляторов его жизнедеятельности.

Картина мира в художественном произведении есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной деятельности творца, а не какой-либо ее одной стороны, возникает у него в ходе его контактов с миром. Исследователи, описывающие образы мира, присущие тем или иным народам, изучают в большей мере не то, как народы познают мир, а результаты этого познания: космологические, онтологические, эсхатологические системы. Литература в этом ряду имеет другой статус. Литературный текст есть художественный мир, то есть своеобразная модель возможного и (или) невозможного мира, представленного определенным набором знаков или символов.

Американский антрополог Рут Бенедикт, исследуя понятия «картина мира» и «национальный характер», отмечает их неразрывную слитность. При этом исследовательница считает, что картина мира представляет собой взгляд члена культуры на внешний мир. Это комплекс ответов, которые дает та или иная культура на извечные вопросы бытия. Если в случае ценностного подхода на все эти вопросы ответы даются на универсальном языке, то концепция «картины мира» подразумевает интерпретацию национальной культуры, выявление оттенков, характерных только для нее, применение к исследованиям культуры метода сопереживания [1.С.60]. Отсюда у исследователей, обращающихся к данной проблеме, повышенное внимание к национальной идентичности, к факторам этнической общности, к национальному идеалу, национальной мифологии, культуре и истории.

Согласно исследованиям психологов, в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая мышлением и самосознанием человека. Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, отражает и отображает, пребывает в нем, представляет себе «возможные миры».

Образ мира отражает мировидение и миропонимание человека. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, но также это некое «переживание», эмоционально окрашенное.

Исследование понятия «национальная картина мира» проведено на основе анализа современной поэзии Казахстана, творчества Б. Канাপьянова, А. Кодара и Б. Каирбекова. Это поэты, пишущие на русском языке, они много переводят с казахского на русский язык. Литераторы относятся к поколению, сформировавшемуся в советское время, начало их творческой деятельности пришлось на 1970-е – первую половину 1980-х годов. Это не просто локальная русская поэзия. Художники, используя русский язык как мировой, ищут свои поэтические корни в русской и мировой поэзии. Но в то же время их творчество проникнуто духом своего народа. В их стихах чувствуется сопричастность к национальной жизни своего народа и его судьбе. Авторы исследуют социальные, нравственно-философские, метафизические аспекты национальной жизни, стремятся понять и объяснить национальный космос и образ мира в Слове художника. Творчество художников отражает определенные ценности и традиции национальной жизни. Стержневыми, направляющими в их поэзии выступают проблемы национального миропонимания, диалектики духовности и бездуховности в современной жизни.

Среди концептов, образующих картину мира, в лирике названных художников важны те, которые отражают национальное своеобразие, духовность. Как отмечает исследователь Н. Ф. Алефиренко, «концепт как ментальное образование, как обобщенно-целостная мыслительная единица кодирует в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы» [2.С.62]. В нем отражена связь между объективными условиями жизни и конкретными материальными, социальными и моральными сторонами этой жизни. В поэзии названных художников значимы концепты как материального плана – «юрта», «аул», «шанрак», «кюй», «домбра», «елик», «аргамак», «кочевник», «степь», так и духовно-знакового плана – «Коркут», «Чингизхан», «аль-Фараби», «Абай», «Чокан». У названных концептов нет односложного обозначения, они представляют собой своеобразные коды – ключи к пониманию ценностей национальной культуры, условий жизни народа, особенностей его ментальности, мировоззрения.

Поэзия А. Кодара [3] во всей полноте и сложном взаимодействии разных его творческих ипостасей, всей полноты мировоззренческих особенностей, идейно-эстетической и общественно-культурной проблематики свидетельствует о глубоком своеобразии эстетических исканий поэта. Решающее влияние на становление поэтического стиля художника оказывает, с одной стороны, его укорененность в духовном пространстве казахской истории и культуры, а с другой – развитие европейской и русской литературных традиций.

Так, цикл Кодара «Дорога к степному знанию» – заметный и важный в книге «Зов бытия», передающей пульсацию исторического времени и его ритмы. Автора в нем отличает влюбленность в поэзию мысли, в философскую уединенность, художественная раскованность. Это цикл, навеянный степными ветрами и ковыльными травами, отдающий полынным привкусом во рту. В нем видишь безграничность степи, ширь ее просторов, высоту ее неба, слышишь шум ветра, ржание коней, топот копыт и дождь стрел.

Уникальность цикла в том, что окунаешься в безбрежный и захватывающий мир мифологических персонажей и мифов – от Древнего Египта до шаманского Востока, когда еще не состоялось формирование и становление кочевых

племен в единый народ. Это стихи о времени, когда составной частью древней религии Степи были попеременно митраизм, зороастризм, шаманство, а е народ поклонялся тотемным божествам, духам Земли, Воды, Неба.

Это глубоко интеллектуальные стихи. В них – философское осмысление истории Степи, судеб ее народа. Лирическими сюжетами цикла становятся взволнованный монолог древнего тюрка, дума о Чингисхане, задушевная беседа с поэтом Востока, полное горечи размышление великого мудреца из Семеня.

В лирике А. Кодара прослеживается многообразие тем: медитативная, философская, любовная. Образность стихов Кодара берет начало из национального бытия, из культурной самобытности народа. Об этом свидетельствует густая плотность и знаковая образность его художественных образов, улавливающих корень первосмыслов и первооснов бытия казахского народа.

В лирике Б. Канапьянова [4] обращает внимание стремление поэта постичь национальную жизнь в ее включенности в более общие закономерности. Основную часть лирики художника можно рассматривать как «народную идиллию», поэтизирующую свойства национального характера – эмоциональность, доброту, склонность к метафизике духа, сосредоточенность на внутренней жизни, несмотря на тяжесть внешней ее стороны («Старый дом», «Нить памяти», «Елик», «Кони», «Панфиловец», «Документальный экран», «Цок-цок. Перелесок за аулом...», «Кюй», «Домбра», «Я у русла стою будущей долгой реки...», «Родной очаг», «В поезде, на верхней полке», «Кюйши», «Земная баллада о космосе», «Подарок чабана»). Войдя в русскую литературу, Б. Канапьянов остается в ней национальным художником. Его корни прежде всего в родной тюркской культуре. Национальная картина мира в творчестве поэта представлена образами степи, кочевника, кюя, кюйши, домбры, елика, фольклорными и эпическими образами. Он исходит из своей национальной данности, национальное мировосприятие неотлучно присутствует в его поэтическом самовыражении. Повторяемые от произведения к произведению концепты олицетворяют историю, традиции казахского народа, его ментальность и быт.

Иногда в своих стихах художник использует сюжетные новеллы. В «жизненном материале» автор как бы останавливает нечто уходящее, наблюдает последний виток завершающегося типа цивилизации. В целом это медитативная лирика, где замкнутость ситуации сочетается с особенным широким пространством осмысления, где элегическая медитация соседствует со стремлением углубиться в сокровенную сущность вещей.

Казахская модель мира строится с ориентацией на степь. По степени употребительности концепт «степь» – один из значимых в лирике казахстанских поэтов. Используя фольклорные традиции, опыт мировой литературы, художники значительно расширяют семантическое поле этого слова.

Так, «степь» является центральным концептом философской системы цикла «Родные травы» Б. Каирбекова [5]. Автор использует концепт во всех его лексических значениях в различных ситуациях: когда говорит о доме, о родине, о мироздании (стихотворения «Не успел я на степь наглядеться...», «Степь, цикады. За речкою юрта...», «Степь. Мне вольность гордая твоя...», «А здесь не надо мчаться вскачь кругами...», «Расколет жизнь мою далекий перезвон...», «Странно слышать, – и все же мой друг...» и др.). Анализ поэтических произведений Б. Каирбекова показывает, что концепт «степь» раскрывается через следующие компоненты: *жеребенок, аргамак, цикады, юрта, кочевье, вольность, аул, кобылица, полынный ветер, кочевник, простор, кузнечики, дюны*. Образный ряд его поэзии усиливает восприятие природы: «жгучих трав родная горечь», «полынный

ветер», «мир кочевья – родного уюта», «колыбельный звон», «кузнечиков тревожный перезвон», «обожженный бесстрастный простор», «высота степного неба».

Б. Каирбеков создал в своих произведениях образ степи, узнаваемый, достоверный. Вместе с тем справедливо будет сказать, что это не фотографический отпечаток того, что мы наблюдаем в реальности, а одухотворенный образ. В произведениях художника «степь врывается в душу». Степь является в большей степени ментальным локусом, раскрывающим взаимосвязь реального и творческого бытия художника; это отчий дом, имеющий антиномичный характер: с одной стороны, аккумулирующий ценностные моменты и реалии прошлого лирического героя, с другой – получающий статус мира, передающий восприятие всего окружающего мира как собственного дома. Концепт «степь» в значении «мой дом» используется, например, в стихотворении «Я знаю: солнце в небе голубом...»:

Я знаю: солнце в небе голубом
И эта даль бескрайняя в степях,
Вся эта ширь и высь – и есть *мой дом*,
.....
Храня в себе степенность, стать свою,
Степного края неба помня высоту,
Чтоб в доме этом петь, как здесь поют
Караторгаи, славя чистоту
Воздушных струй и даль степных дорог,
Домбры сказанья, пену кумыса...
Все это, мне дарованное впрок,
И есть земля моя, мой дом, мой сад [5.С.38].

Чертами, гармонично характеризующими пространство степи, являются статичность и вечность, но в то же время это динамичное, изменчивое пространство:

В пустыне ожили забытые пески,
Кочуют дюны...
Дюны, как жуки,
Из края в край ползут,
И вот уже
Они насчитывают нить моих раздумий,

или:

Перелетная птица, кочевник, кентавр
В ладу лишь с копытами,
С крыльями,
С пылью дорог!
И стая стремится,
И тянется табор
За ним, презирающим вечный порог [5.С.35–36].

Оно противопоставляется городскому и, шире, – всему земному пространству: пространство степи свое, ценное, чужое – эфемерное. Степь в лирике Б. Каирбекова мыслится двояко: с одной стороны, акцентируется ее величие и красота, с другой – суровость, тяжесть степной жизни.

В попытках постичь мир Б. Каирбеков идет двумя путями: пристально вглядываясь вовне, когда поэт пытается прозреть мир вплоть до границ Вселенной, другой путь направлен внутрь, это работа духа. В своем дневнике художник пишет: «Понятие времени и пространства у древних было другим! Об этом нельзя забывать ни на минуту. Акын-сказитель мог петь три-четыре, а то и больше дней. По-моему, он был живым носителем генеалогического древа кочевников, его родовой памятью» [5.С.149].

Выстраивается своеобразный семантический ряд, из которого рождается целостный художественный образ-символ «степь», представленный в лирике автора многообразием жанров: пейзажными зарисовками, посланиями, стихотворениями-размышлениями.

Наиболее значимой при характеристике внутреннего мира лирического героя Б. Каирбекова является динамика физического и духовного существования человека в степи. Лирический герой автора берет отпуск и, срываясь с насиженного места, едет в степь, на Родину, в маленький степной аул, чтобы вкусить воздух прародины и прикоснуться к духу предков. Через судьбу своих предков человек обретает «кровную» связь с историей своего народа, своей страны, которая подпитывает его, дает ему силы. Художник озабочен нравственной деградацией современного общества, не желает, чтобы прервалась связь поколений: «Современная молодежь, вообще, человек XXI века – похож на перекати-поле, вырвавший свои корни из земли и вонзивший их в свои волосы. Спутанность мыслей и ощущений, беспомощность, бесперспективность (катишься, куда ветер подует, а он задувает чаще в ямы, овраги, лощины, где и погибаешь в одиночестве), суэта, торопливость в решениях и поступках, категоричность – это отрывание корней, отчаянная попытка зацепиться за что-то древнее, искреннее нас» [5.С.124].

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что современная русская поэзия Казахстана имеет глубокие национальные корни и традиции. Литература независимой республики глубоко самобытна, характер художественного мышления казахстанских поэтов, своеобразие быта и эпохи, отраженные в произведениях, воссоздают национальную картину мира, духовный, нравственный, эстетический опыт народа. Национальные образы, при помощи которых конструируется картина мира в современной поэзии Казахстана, постоянны и устойчивы, насколько можно говорить об устойчивом значении символов в поэзии. В силу сложности и богатства национальной картины мира ей соответствует не один символ, а их совокупность, части которой могут заменять и дополнять друга друга в зависимости от конкретного автора, произведения и контекста. Современная поэзия Казахстана является составной частью национальной культуры, ее главной, сущностной частью, ибо она оплодотворена духом и направлена на развитие и осуществление духовно-нравственных интенций человека и организацию всей его жизни вокруг и в тесной связи с этими интенциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура и этнос. – Волгоград, 2002. – С. 58–67.
2. Алефиренко Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы концепта // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2004. – № 2. – С. 60–66.
3. Кодар Ауэзхан. Зов бытия. – Алматы, 2008.
4. Канапьянов Бахытжан. Над уровнем жизни. – Алматы, 1999.
5. Каирбеков Бахыт. Избранное в 2 томах. – Т. 2. – Алматы, 2004.

